

местом пребывания имперского правительства, центром управления всем государством. Константинополь стал центром идейной жизни империи, где формировалась политическая доктрина власти императора, византийской государственности, вынашивались стратегические планы усиления власти и авторитета империи во всем средневековом мире. Константинополь, естественно, был и средоточием византийской культуры и образованности. Более того, и это очень важно для нашей темы, Константинополь постепенно стал символом власти Византийской державы и императора ромеев⁸.

Этот «Великий город», воспетый византийскими писателями и предаваемый проклятию врагами, по своей роли в истории Византии и по своему авторитету в международной жизни средневековья мог сравниться лишь с Римом. И, конечно, не с тем захолустным Римом, каким стал Вечный город в эпоху раннего средневековья, а с императорским Римом времен его расцвета. Ведь недаром до последних своих дней Константинополь сохранил гордое название «Нового Рима».

Идеализация власти императора и византийского государства нашли многообразное отражение в сложной титулатуре властителя державы ромеев, в пышном этикете византийского двора, в создании разветвленной дипломатической системы, в табели о рангах византийского чиновничества, в роскошных императорских одеждах и символах власти, византийском искусстве, императорских монетах, печатах и многом другом⁹. Безудержная лесть звучала в похвальных речах (энкомиях) риторов и поэтов, в литературных произведениях, прославлявших добродетели и подвиги императоров. В политической теории ранней Византии был создан образ идеального государя: он должен был сочетать христианское благочестие с гражданскими добродетелями — заботой о благе подданных, поддержанием мира и порядка, справедливостью, компетентностью в государственных делах, умеренностью в личной жизни. Но сквозь завесу официальной лести очень трудно восстановить истинный образ того или иного правителя. Характеристики императоров буквально пестрят противоречивыми оценками. Благочестивый император Константин, столь прославленный церковными историками, особенно Евсевием Кесарийским, у других писателей (Аммиан Марцеллин, Филосторгий) предстает как жестокий тиран, убивший жену и сына¹⁰. Поразительная фигура ранневизантийской истории — философ на троне Юлиан Отступник, соединивший возвышенный ум мыслителя, энергию реформатора и храбрость воина с самыми нелепыми суевериями, верой в магию и колдовство, за свое веротступничество удостоился проклятий и неистовой хулы идеологов христианства и столь же безграничных похвал приверженцев языческой религии¹¹. Наиболее разительным примером двойственности оценок современников, конечно, служат император Юстиниан и его жена Феодора.

В официальных трудах Прокопия Кесарийского Юстиниан изображен как великий правитель, мудрый законодатель и реформатор, прозорливый политик, добившийся почти полного восстановления Римской империи. В «Тайной истории» того же Прокопия Юстиниан — натура двуличная, исполненная всяческих пороков, коварный и жестокий деспот, истреблявший целые народы без малейшего угрызения совести. Иными словами, в изображении Прокопия в Юстиниане существуют как бы два человека, вечно противоборствующие друг с другом. Столь же противоречива и

⁸ *Dagron G.* Naissance d'Une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974; *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974; *Ensslin W.* The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium. Oxford, 1961.

⁹ *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. P., 1936; *Haussig H. W.* History of Byzantine Civilization. L., 1974; *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970; *Treitinger O.* Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell von Oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956.

¹⁰ Культура Византии, т. 1, с. 124—139, 182—190, 205, 212—223 и др.

¹¹ *Browning R.* The Emperor Julian. L., 1975; *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии. — ВВ, 1983, 44.